

«Нужно ли говорить, что мы не могли сообщить властям всю правду о нашем столкновении со скавенами, так как это могло связать нас с убийством высокопоставленного чиновника двора графини Эммануэль. А убийство, независимо от того, насколько заслуживала это жертва, — преступление, караемое смертной казнью.

Мы были уволены со службы и вынуждены искать другую работу. На счастье, во время пьяного кутежа в одной из самых неблагополучных частей города, мы забрели в таверну, владельцем которой оказался товарищ Истребителя по временам его бытности наёмником. Нас наняли выставлять из бара нежелательных личностей, и поверьте моим словам, люди должны были быть весьма, по-настоящему нежелательными, чтобы их приказали выкинуть из „Слепой свиньи“.

Работа была тяжёлой и неблагодарной, связанной с насилием, но я надеялся, что мы хотя бы в безопасности от скавенов. Разумеется, как довольно часто случалось, я ошибался. Как оказалось, по крайней мере один из них не забыл нас и замыслил отмщение...»

„Мои странствия с Готреком“ Том III, Феликс Ягер (Альтдорф Пресс 2505)

Феликс Ягер уклонился от удара кулака пьяного наёмника. Кулак с кастетом пронёсся над его ухом и так ударил в дверной косяк, что полетели щепки. Феликс нанёс удар коленом, угодив наёмнику в пах. Мужчина застонал от боли и согнулся. Феликс обхватил его за шею и потащил в сторону двустворчатой двери. Пьяница едва сопротивлялся. Он был слишком занят выблёвыванием подпорченного вина. Феликс пинком открыл дверь и вытолкнул наёмника наружу, придав ему ускорение мощным пинком пониже спины. Со слезами, текущими из глаз, и широко раскрытым в гримасе боли ртом, держась за пах, наёмник покатился в грязь Торговой улицы.

Феликс демонстративно потёр руки, прежде чем развернуться и зайти обратно в бар. Он сознавал, что со стороны каждого зажжённого факела за ним наблюдают глаза. В это время ночи на Торговой улице было полно головорезов, уличных девок и наёмников. Поддержание репутации крутого парня было обыкновенным проявлением здравого смысла. Это уменьшало его шансы получить нож в спину, прогуливаясь по ночным улицам.

«Что за жизнь такая», — думал он. Если бы год назад кто-либо заявил, что ему предстоит работать вышибалой в самом заштатном баре Нульна, он бы над таким посмеялся. Он бы ответил, что был учёным, поэтом и джентльменом, а не каким-то кабацким скандалистом. Даже возвращение обратно в стражу канализации было бы предпочтительней этой работы.

«Обстоятельства изменились, — подумал он, возвращаясь в переполненный бар. — Обстоятельства конкретно изменились».

В лицо ему ударила вонь застарелого пота и дешёвых духов. Он прищурился, привыкая к мрачному, освещённому светильниками интерьеру „Слепой свиньи“. Он был уверен, что в этот момент все взоры окружающих были направлены на него. Он нахмурился, надеясь, что это придаёт ему устрашающий вид, и повёл свирепым взглядом, точно повторяя манеру Готрека. Большой Хайнц, владелец таверны, подмигнул ему из-за стойки бара, одобряя то, как Феликс разобрался с пьяницей, и вернулся к работе у кранов.

Хайнц нравился Феликсу. Здоровяк был давним приятелем Готрека в бытность того наёмником. Феликс был ему признателен. Хайнц был единственным человеком в Нульне, который предложил им работу после того, как их с позором уволили из стражи канализации. За всю долгую и неблагоприятную историю канализационной стражи, он и Готрек были единственными

бойцам, которых оттуда выперли. На самом деле, им ещё и повезло избежать отсидки в Железной Башне — печально известной тюрьме графини Эммануэль. Готрек назвал капитана стражи продажным, неспособным снотлингофилом, когда мужчина отказался всерьёз отнестись к их докладу о скавенах в канализации. Но что ещё хуже, гном сломал мужчине челюсть, когда тот приказал их высечь.

Феликс содрогнулся. На нём ещё не совсем сошли синяки от последовавшей затем драки. Они дрались против половины поста стражи, пока их не вырубили дубинками. Он вспомнил, как на следующее утро очнулся в грязной камере. Его брат Отто вовремя вызволил их оттуда, желая замять любой возможный скандал, способный очернить имя семьи Ягеров.

Отто хотел, чтобы они оба покинули город, но Готрек настаивал, чтобы они остались. Он не станет бежать из города, как какой-то обычный преступник, особенно, когда скавен-волшебник всё ещё планирует крупное и несомненно ужасное преступление. Истребитель Троллей, почувствовав возможность дать отпор силам тьмы во всём их злобном величии, не позволит отобрать у него шанс достойно погибнуть в бою против них. И связанный своей давней клятвой Феликс остался с гномом, чтобы описать эту смерть для потомков.

«Достойную гибель», — мрачно подумал Феликс. Сейчас он мог видеть, как Готрек общался в углу с компанией гномов-воинов в ожидании своей смены. Его огромный гребень окрашенных в рыжий цвет волос возвышался над толпой. Его большая мускулистая фигура наклонилась над столом. Гномы глотали пиво из огромных пивных кружек, шумели, дёргали свои бороды и бормотали что-то на своём грубом труднопроизносимом языке. Не иначе, как они припоминали старые оскорбления, нанесённые их народу, или прорабатывали длинный список обид, за которые следовало отплатить. А возможно, они просто вспоминали старые добрые дни, когда пиво стоило медную монету за кувшин, и люди выказывали должное уважение Старшим Расам.

Феликс покачал головой. О чём бы ни была беседа, Истребитель Троллей был основательно ей увлечён. Он даже не заметил драки. Это было само по себе необычно для гнома, чью жизнь настолько же занимают сражения, как жизнь других людей сон и приём пищи. Феликс продолжил осмотр таверны, косыми случайными взглядами оглядывая каждый стол. Вытянутый низкий зал был переполнен.

Каждый залитый пивом стол был занят группами людей. На одном, кружась и подпрыгивая, танцевала полуголая эсталийская девушка, а группа хмельных алебардщиков бросала серебро и побуждала её сбросить оставшуюся одежду. Уличные девки вели пошатающихся солдат к затенённым нишам у дальней стены. Шум у бара заглушал хрипы, стоны и звон золота, меняющего владельцев.

Один длинный стол был целиком занят конными лучниками-кислевитами, охранниками пришедшего с севера каравана. Поглотив огромное количество картофельной водки домашнего приготовления Хайнца, они орали свои пьяные песни, в которых не было ничего, кроме как о лошадях и женщинах, иногда в весьма непристойных сочетаниях.

Что-то было в них такое, что беспокоило Феликса. Кислевиты, выросшие под холодным солнцем на суровой земле, рождённые лишь для сражений и скачек, были нелюдимыми. Когда один из них поднялся из-за стола и направился в отхожее место, его переваливающаяся походка и ноги „колесом“ подсказали Феликсу, что перед ним прирождённый всадник. Воин держал руку неподалёку от своего длинного ножа — нет такого момента, когда мужчина более уязвим, чем освобождаясь от полпинты картофельной водки на улице в тусклом свете луны.

Феликс усмехнулся. Половина всех воров, отчаянных голов и крепких парней Нульна собралось в „Слепой свинье“. Они пришли пообщаться с новоприбывшими охранниками каравана и наёмниками. Более половины из них он знал поимённо, Хайнц показал их ему в первую ночь.

За угловым столиком сидел Мурдо Мак Лаглан Король Взломщиков, заявлявший, что он принц Альбиона в изгнании. Он носил штаны из клетчатой шерстяной материи и длинные усы, подобно воинам-горцам с этого далёкого, полумифического острова. Его мускулистые руки были покрыты татуировками, характерными для лесных эльфов. Он восседал в окружении толпы поклонниц, развлекая их сказками о своей прекрасной горной родине. Феликсу было известно, что настоящее имя Мурдо — Хайнрик Шмидт, и он никогда в жизни не покидал Нульн.

Два высоких крючконосых уроженца Аравии, Тарик и Хаким, сидели за своим постоянным столиком. На их пальцах блестели золотые кольца, в мочках ушей светились золотые серьги. Свет факелов отражался на их чёрных кожаных камзолах. Длинные изогнутые мечи висели на спинках их стульев. Время от времени к ним подходили и подсаживались незнакомцы — иногда уличные оборванцы, иногда аристократы. Начиналась торговля, деньги переходили из рук в руки, и посетители также неожиданно и таинственно поднимались и уходили. А день спустя кого-то находили в Рейке, плавающим лицом вниз. Ходили слухи, что эти двое были лучшими наёмными убийцами Нульна.

За столом у ревающего огня в одиночестве сидел Франц Бекенхоф, о котором говорили, что он некромант, а кое-кто считал шарлатаном. Но ни у кого не находилось мужества присесть рядом и спросить, несмотря на то, что места за его столом всегда были свободны. Он бывал тут каждую ночь, потягивая свой единственный стакан вина перед разложенной книгой в кожаном переплёте. Даже учитывая, что тот занимал места, которые могли бы использовать другие, более расточительные посетители, старый Хайнц никогда не просил его передвинуться. Девиз Хайнца — никогда не стоит сердить чародея.

Столь же неуместные, как павлины в гнездовье грачей, громко и напряжённо хохоча, тут и там сидели раззолочённые дворяне, развлечения ради забредшие в трущобы. Они выделялись своими превосходными одеяниями и холёными дряблыми телами; хлыщи из высшего света выбрались поглазеть на мрачное подбрюшье своего города. Их телохранители, как на подбор крупные, спокойные, наблюдательные мужчины с оружием в отличном состоянии, следили за тем, чтобы их хозяева не пострадали во время своих ночных приключений. Хайнц обычно заявлял, что нет смысла ссориться с высокородными. Шепни они в нужное ухо, и таверна могла закрыться, а персонал оказаться в Железной Башне. Уж лучше остерегаться, льстить и сносить их отвратительные манеры.

У огня, неподалёку от предполагаемого некроманта, находился бретонский поэт-декадент Арманд ле Левре, сын знаменитого адмирала и наследник состояния семейства ле Левре. Он сидел в одиночестве, попивая абсент. Его взгляд застыл на какой-то точке, а из угла рта стекала тонкая струйка слюны. Ежедневно в полночь он, шатаясь, поднимался и провозглашал, что приближается конец света. Затем входили двое слуг, закутанные в плащи с капюшонами, относили его в ожидающий паланкин и отвозили домой, сочинять очередную из его богохульных поэм. Феликса бросило в дрожь — кое-что в молодом человеке напоминало ему другого мрачного сочинителя — Манфреда фон Диела — знакомого Феликса, которого лучше позабыть.

Столь же неуместными и невоздержанными были обыкновенные буйные юноши из студенческого братства, которые приходили в эту самую неблагоприятную часть города, чтобы доказать себе и своим друзьям, что стали мужчинами. Это были худшие из нарушителей

спокойствия — избалованные, обеспеченные молодые люди, которые демонстрировали свою крутизну всем, кого видели. Они держались стайно и спьяну были способны на жестокость, подобающую последнему портовому головорезу. Возможно, они были худшими, потому что полагали себя выше закона, а своих жертв чем-то вроде насекомых.

Со своей позиции Феликс заметил, как компания пресыщенных молодых хлыщей тянет за платье отбивающуюся официантку. Они требовали поцелуя. Миловидная девушка по имени Элисса, недавно работающая здесь, упорно сопротивлялась. Она попала сюда прямо из провинции и не привыкла к подобному обращению. Её сопротивление только распаляло хулиганов. Двое из них схватили её за ногу и начали тащить в сторону альковов. Один зажал ей рот рукой, чтобы заглушить её крики. Второй непристойно размахивал огромной кровяной колбасой.

Феликс переместился, встав между молодыми людьми и альковами.

— Не стоит этого делать, — спокойно произнёс он.

Старший из двух юношей мерзко ухмыльнулся. Перед тем, как высказаться, он откусил здоровый кусок кровяной колбасы и проглотил. Его лицо побагровело, а на лбу и щеках выступил пот.

— Она — вздорная девка, возможно, ей доставит удовольствие вкус отличной нульнской колбаски.

Шалопай ответили на отличную остроту вызывающе громким смехом. Получив поддержку, тот взмахнул в воздухе колбасой, как генерал, командующий сбор войск.

— Я так не думаю, — сказал Феликс, с трудом сдерживая себя. Он страстно ненавидел этих избалованных молодых аристократов, ненавидел ещё со времени обучения в университете Альтдорфа, где он находился среди им подобных.

— Наш приятель считает себя крутым, Дитер, — сказал младший из двух, коротко остриженный великан поздравнее Феликса. Он щеголял покрытым шрамами лицом студенческого забияки, который дерётся с целью заработать шрамы и тем повисить свой авторитет.

Феликс огляделся по сторонам в поисках поддержки. Остальные вышибалы пытались утихомирить драку между кислевитами и алебардщиками.

Феликс заметил возвышающийся посреди драки окрашенный хохол Готрека. Ждать помощи оттуда не приходилось. Феликс пожал плечами. «Попробуем сделать хорошую мину при плохой игре», — подумал он. Он поглядел прямо в глаза забияки.

— Просто оставь девушку, — подчёркнуто мягко проговорил он, а затем какой-то чёрт дёрнул его добавить, — и я обещаю не делать тебе больно.

— Ты обещаешь не делать нам больно?

Забияка выглядел маленько сбитым с толку. Феликс заметил, что тот пытается сообразить, не издевается ли над ним какой-то вышибала. Дружки студента собрались вокруг, готовясь начать потасовку.

— Мне кажется, этому дерьму следует преподать урок, Руперт, — произнёс Дитер. — Думаю,

мы должны показать ему, что он не настолько крут, как полагает.

В этот момент Элисса укусила руку Дитера. Он заорал от боли и, практически случайно, заехал девушке кулаком по голове. Та повалилась, как подкошенная.

— Сука отхватила мне кусок руки!

Внезапно Феликс решил, что с него довольно. Он прошёл сотни лиг, сражаясь со зверьём, чудищами и людьми. Он повидал мертвецов, восстающих из своих могил, и злобных сектантов в Ночь Таинств. Он прикончил самого главу тайной полиции Нульна за его союз с погаными скавенами. Он не станет сносить наглость этих избалованных щенков и, разумеется, не будет смотреть на то, как они избивают невинную девушку.

Феликс схватил Руперта за грудки и, размахнувшись, врезал лбом по носу забияки. Раздался отвратительный хруст, и молодой бугай завалился на спину, схватившись за лицо. Феликс схватил Дитера за горло, демонстративно отвесил несколько пощёчин, а потом приложил студента мордой о крепкую столешницу. Опять раздался хруст. Опрокинулись пивные кружки.

Зрители отодвинули свои стулья назад, чтобы не забрызгало. Феликс пинком подсёк ноги Дитера, а когда тот свалился на пол, пару раз пнул его по голове. Это было совсем не по-джентльменски, но Феликс был не в настроении затягивать драку с этими парнями. Они его достали, и он был рад случаю выпустить свою ярость наружу.

Когда дружки Дитера бросились вперёд, Феликс выхватил из ножен свой меч. Острое как бритва лезвие заблестело в свете факелов. Разъярённые студенты застыли, словно услышав шипение ядовитой змеи.

Внезапно настала мёртвая тишина. Феликс опустил клинок возле головы Дитера.

— Ещё шаг, и я отрежу ему ухо. А потом заставлю вас съесть.

— Он так и сделает, — пробормотал кто-то из студентов.

Вдруг они перестали выглядеть угрожающе — просто напуганная и перепившая компания молодых дураков, которые обрели больше проблем, чем рассчитывали. Феликс крутанул клинок, тот ударил по уху Дитера, порезав до крови. Молодой человек застонал и завертелся под сапогом Феликса.

Руперт хныкал и зажимал свой нос мясистой рукой. Между пальцев струилась кровь.

— Ты мне нос сломал, — промямлил он жалобным обвиняющим тоном.

Это прозвучало так, как если бы он даже помыслить не мог, что кто-то способен сделать что-либо более жестокое.

— Скажи ещё хоть слово, и я заодно сломаю тебе пальцы, — проговорил Феликс.

Феликс надеялся, что никто не попытается просчитать, а как же он собирается это сделать. Он был в себе не вполне уверен, но беспокоиться было не о чем. Все воспринимали его абсолютно серьёзно.

— Эй, вы, забирайте своих друзей и проваливайте отсюда, пока я действительно не потерял терпение.

Он сделал шаг в сторону от лежащего Дитера, держа меч между студентами и собой. Те метнулись вперёд, помогли раненым товарищам подняться на ноги и заторопились к выходу. Некоторые из них при этом испуганно глядели на Феликса.

Феликс подошёл к Элиссе и помог ей подняться на ноги.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Вполне. Спасибо, — ответила она, посмотрев на него с благодарностью.

И снова Феликс убедился, насколько она хорошенькая. Она ему улыбалась. Её круглое лицо обрамляли аккуратные чёрные локоны. Губки надуты. Она дотянулась и подоткнула за ухо один из своих чёрных как смоль локонов.

— Лучше иди, переговори с Хайнцем. Расскажи ему, что произошло.

Девушка торопливо ушла.

— А ты учишься, человеческий отпрыск, — слышался позади голос Истребителя Троллей.

Феликс поглядел назад и был удивлён, увидев злобно ухмыляющегося ему Готрека.

— Полагаю, что так и есть, — ответил он, хотя прямо сейчас ему было немного не по себе.

Следовало чего-нибудь выпить.

* * *

Серый провидец Танкуоль восседал на трёхномом костяном табурете перед дальновещателем и покусывал свой хвост. Он был вне себя, настолько разгневан, как никогда ранее. Он сомневался, что был более разгневан в тот день, когда совершил своё первое убийство, хотя тогда он был, несомненно, весьма и весьма разгневан. Он вонзал свои клыки в хвост, пока не начинал ощущать, что его розовые глаза слезятся. Затем отпускал. Он устал причинять себе боль. Ему хотелось заставить страдать кого-то ещё.

— Торопись-торопись! Бегите быстро-быстро, иначе я сдеру плоть с ваших никчёмных костей, — заверещал он, стегая хлыстом, принесённым как раз для подобных случаев.

Рабы скавенов беспокойно пищали и бежали ещё быстрее внутри раскачивающегося колеса, прикрепленного к огромному механизму дальновещателя. Когда они так делали, энергетические сферы начинали еле-еле светиться. На стенах отплясывали тени техномагов клана Скрайр, налаживающих тонкую машину лёгкими постукиваниями кувалд. Слабый привкус искривляющего камня и озона начал ощущаться в воздухе.

— Быстрее! Быстрее! Или я скормлю вас крысоограм.

«А было бы неплохо», — подумал Танкуоль. Если бы у него только был крысоогра, чтобы накормить этими рабами. Каким разочарованием оказался Костодёр — тот проклятый гном уложил его настолько же легко, насколько Танкуоль мог расправиться со слепым щенком. Только при мысли о бритоголовом выскочке-гноме Танкуолю захотелось испустить мускус страха. И в тоже время ненависть до потрохов проняла Танкуоля и продолжала снедать его так же яростно, как новорождённый крысёныш обсасывает кость.

Во имя зловонного дыхания Рогатой Крысы, он желал отомстить Истребителю Троллей и его

прихвостню. Помимо уничтожения Костодёра, стоившего Танкуолю немалого количества ценнейшего искривляющего камня, они ещё убили фон Гальштадта и тем самым повредили главному замыслу серого провидца — ввергнуть Нульн и Империю в хаос.

Разумеется, у Танкуоля были и другие агенты на поверхности, но никого столь же высокопоставленного и покладистого, как бывший глава тайной полиции Нульна. Танкуоль не горел желанием докладывать о провале на этом этапе операции своим хозяевам в Скавенблайт. В действительности, он насколько возможно откладывал отправку доклада. Сейчас ему уже ничего не оставалось, кроме как переговорить с повелителем провидцев и сообщить, как обстоят дела. Он с опаской поглядывал на огромное зеркало на верхушке дальновещателя, в котором ожидалось появление изображения его господина.

Теперь рабы скавенов бежали ещё быстрее. Свет сфер из искривляющего камня становился ярче. Танкуоль почувствовал, как его шерсть встала дыбом, и дрожь пробежала по позвоночнику до самого кончика хвоста, когда из сфер на обоих концах беговой дорожки посыпались искры, взметнувшиеся в направлении огромного зеркала на вершине агрегата. Обзорное зеркало начало светиться зеленоватым светом. Маленькие маховики начали гудеть. Огромные поршни внушительно поднимались и опускались.

На короткое время Танкуоль ощутил чувство гордости за потрясающий триумф инженерии скавенов — устройство, сделавшее связь через огромные расстояния между Нульным и Скавенблайтом не только возможной, но и мгновенной.

Реально ни одна из рас не может сравниться с изобретательностью скавенов. Эта машина всего лишь ещё одно из доказательств, которые в принципе не требуются, превосходства скавенов над остальными расами, называемыми разумными. Скавены достойны править миром, и потому Рогатая Крыса отдала его на их попечение.

Изображение в зеркале приняло очертания. Увеличенная фигура пристально смотрела на него. Танкуоль снова задрожал, на сей раз от неконтролируемого страха. Он знал, что видит контуры лица одного из членов Совета Тринадцати в далёком Скавенблайте. Картинка была немного смазана, и он не мог предположить, кто же это именно. Может быть, это и не повелитель провидцев Тискуик. Водовороты и пятна интерференционной картины отплясывали на мерцающей поверхности зеркала. Вероятно, Танкуоль должен был поручить инженерам клана Скрайр произвести некоторые корректировки их устройству. Но сейчас не время этим заниматься.

— Что ... можешь... доложить провидец Танк...

Величественный голос члена совета донёсся из труб-громкоговорителей машины в виде оглушительного бормотания. Танкуоль приготовился высказаться. Своей вытянутой лапой он ухватил переговорную трубку из бедренной кости человека, присоединённую к машине кабелем из чистой меди.

Он отчаянно пытался избежать бормотания и сбивчивости речи.

— Великий триумф, повелитель, и несколько мелких неудач, — прочирикал Танкуоль.

Его мускусные железы напряглись. Он удержался от того, чтобы нервно сжать зубы.

— Говор... Серый... Я ... внимательно слушаю тебя ... и

Танкуоль решил, что с машиной дальновещания определённо какой-то непорядок. Многие

слова повелителя провидцев пропали и, несомненно, что всего лишь несколько слов Танкуоля дошли до его повелителя. «Возможно, — подумал серый провидец, — это можно использовать себе на пользу». Он должен просчитать подобную возможность.

— Множество побед, повелитель, и несколько мелких неудач! — Танкуоль заорал так громко, как только мог.

Его рёв напугал рабов, и они прекратили бежать. Беговая дорожка замедлилась, изображение замерцало и расплылось. Длинные разряды молний потускнели.

— Быстрее, идиоты! Не останавливаться!

Танкуоль подбодрил рабов резким ударом своего хлыста. Изображение медленно восстанавливалось, пока снова не стали видны размытые очертания гигантского лорда-скавена. Из дальновещателя начало подниматься облачко неприятно пахнущего дыма. Пахло так, как будто внутри машины что-то горело. Двое инженеров стояли с вёдрами вонючей воды, набранной неподалёку прямо из канализации.

— ... неудачи, серый ...видец Танкуоль?

«Если и использовать небольшие неполадки в работе машины, то сейчас самое время», — подумал Танкуоль.

— Да, хозяин. Удача! Много побед! Пока мы разговариваем, наши воины проводят разведку под городом людей. Вскоре мы будем располагать всей информацией, требуемой нам для неизбежного триумфа!

— Я говор ... неудач ... провидец Танкуоль.

— Я тоже рассчитываю на удачу, великий. Задействованы все пригодные воины-скавены, чтобы составить карту города.

Член совета наклонился вперёд и покрутил рукоять. Изображение замерцало и стало немного отчётливее. Танкуоль теперь мог видеть, что голову говорящего закрывал большой капюшон, скрывающий черты лица. Так часто поступали члены Совета Тринадцати. Это делало их более таинственными и угрожающими. Танкуоль заметил, что тот повернулся и что-то проговорил кому-то за пределами обзора. Серый провидец предположил, что его повелитель выругал кого-то из инженеров клана Скрайр.

— ... и как поживает ... агент фон Гальштадт...

— Он чувствует себя неважно, — ответил Танкуоль, на его взгляд слишком уж поспешно.

Это звучало гораздо лучше, чем сказать, что тот мёртв. Он решил быстро сменить тему разговора. Ситуацию нужно было спасать, и побыстрее.

Он понимал, что не имеет значения, насколько хитроумно он отвлечёт своих хозяев при помощи дальновещателя; в конце концов до них дойдёт весть о смерти фон Гальштадта. В каждом войске скавенов было полно шпионов и осведомителей. Это всего лишь вопрос времени, когда новости о провале его плана достигнут Скавенблайта.

— У нас новости... смена планов... мы посылаем армию в Нульн... когда готовы... такуйте город.

Слова лорда провидцев заставили уши Танкуоля подняться от удовольствия. Если в Нульн отправляют армию, он будет командовать ей. Захват города неизмеримо повысит его статус.

— Полководец Вермек Скаб будет командовать... оказать ему любое... возможное содействие...

Танкуоль сжал зубы от разочарования. Его отстраняют от командования армией. Он зафыркал, представляя себе последствия. Хотя... С Вермеком Скабом может произойти несчастный случай. Тогда серый провидец Танкуоль величественно возвысится, чтобы по праву полностью получить свою долю славы.

Нос Танкуоля защипало. Облако извергнутого машиной дыма теперь заполнило почти всё помещение, и Танкуоль был совершенно уверен, что устройство не должно было выбрасывать подобные снопы искр. Также не показался ему добрым знаком тот факт, что оба инженера бросились бежать к двери. Он решил последовать за ними.

— Я предвижу присутствие ... дурных факторов в твоём будущем, Танк... Я предсказываю тебе беду пока ... сделать что-то с этим.

Внезапно Танкуоль прирос к месту, разрывающийся между желанием убежать и желанием услышать больше. Он почти выпрыснул мускус страха. Если повелитель провидцев что-то напроорочил, то можно считать это практически случившимся. Но, возможно, повелитель обманывает его для каких-то своих целей. Это частенько случалось, о чём Танкуолю было хорошо известно.

— Беду, хозяин?

— Да... вижу гнома и человека... предназначение переплетено с твоим... ты не убил их когда...

Тут послышался чрезвычайно громкий финальный хлопок. Танкуоль метнулся с табурета и укрылся на полу. Во рту ощущался едкий привкус. Медленно дым рассеялся, и он увидел перекрученные и расплавленные останки дальновещательной машины. Среди них лежало несколько мёртвых скавенских рабов с обуглившимися шкурами и сгоревшими усами. В одном из углов в состоянии шока лежал свернувшийся комком техномаг, хныкающий и мучающийся от боли. Его судьба не волновала Танкуоля. Слова повелителя провидцев наполнили его огромным страхом. Он хотел бы иметь возможность подольше поговорить со своим хозяином, но увы, это невозможно. Он поднял маленький бронзовый колокольчик и позвонил им.

Медленно в помещение вошли его телохранители. «Лидер когтя Газат вроде бы выглядел разочарованным, заметя меня среди живых», — подумал Танкуоль. На краткий миг в мозгу Танкуоля пронеслась идея, что этот воин мог подстроить поломку дальновещателя. Он отбросил её — Газату не хватало бы воображения. В любом случае, у серого провидца имелись более важные поводы для беспокойства.

— Вызвать диверсантов! — прочирикал Танкуоль в наиболее повелительной манере. — У меня есть для них работа.

На мгновение в помещении воцарилась тишина. Противный запах заставил подёргиваться усы Танкуоля. Простое упоминание ужасающих ассасинов из клана Эшин вызвало у лидера когтя Газата выделение мускуса страха.

— Быстро! Быстро! — добавил Танкуоль.

— Незамедлительно, хозяин, — печально ответил Газат и поспешно побежал в лабиринт

канализационных проходов.

Танкуоль злорадно потёр лапы. Диверсанты не подведут, в этом уж он был уверен.

<http://tl.rulate.ru/book/2491/47003>